

№ 10 (180)
Октябрь

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Поздний колокол, звучащий
Над равниною большою,
Прогреми над сердцем спящим,
Над коснеющей душою.
Звонem долгим, похоронным,
Всепрощающе-прощальным
Прогреми над сердцем спящим,
Безнадежно-беспечальным!
Может быть, оно проснется
И стряхнет с себя забвенье,
И быть может содрогнется
На мгновенье, на мгновенье...

А.В. Кольцов

А.Е.Косничев
«У Сыся»

ХРИСТИАНСКАЯ СВЯТЫНЯ

С 20 октября по 23 ноября 2011 года в Россию из Ватопедского монастыря на Афоне впервые был принесен Пояс Пресвятой Богородицы. По словам отца Ефрема, настоятеля Ватопедской обители, ранее на все просьбы из других стран о принесении ковчега, в частности, из США, Румынии, Ватопедский монастырь отвечал отказом. Исключение было сделано для России.

Предание рассказывает, что пояс, сотканный из верблюжьей шерсти самой Девой, и риза Богородицы перед её успением были отданы Девой Марией двум иерусалимским вдовам, которые передавали святыню из поколения в поколение. При императоре Аркадии (395-408 годы) пояс был перенесён в Константинополь и помещён в золотом ковчеге за царскою печатью в Халкопратийскую церковь. В IX веке Иосиф Студит написал канон для праздника «Положение честного Пояса Пресвятой Богородицы» в Халкопратии, совершаемое 31 августа (по юлианскому календарю).

Прошли столетия. В царствование императора Льва Мудрого его супруга была мучима нечистым духом, отчего император и его родственники пребывали в великой печали, но, не оставляя упование, усердно молились ко Господу о страдавшей.

Императрице Зое было божественное видение, знаменовавшее, что она получит исцеление, если на нее будет возложен пояс Пресвятой Богородицы. Она поведала об этом видении мужу, и император упросил патриарха Евфимия открыть ковчег с поясом Пресвятой Богородицы, который оказался в целости и не поврежденным от времени.

По повелению императора патриарх распростер пояс над больной, и она тотчас освободилась от демонского мучения и совершенно исцелилась от недуга.

В знак благодарности Божией Матери императрица вышила весь Пояс золотой нитью. Так он приобрел тот вид, который имеет сегодня.

«Тогда все с радостью прославили Христа Бога и Пречистую Матерь Его, — пишет святитель Димитрий Ростовский, — и, воспев благодарственные хвалебные пения, опять положили честный пояс в тот же золотой ковчег, запечатали его царской печатью».

После этих событий патриарх Евфимий составил Слово в

ПОЯС ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

ТРОПАРЬ:

Богородице Приснодево, челоуеков покрове, ризѣ и поасе пречистаго Твоего телесе, державное градѣ Твоемѣ окложение даровала еси, безсеменнымъ рождествомъ Твоимъ нетленна превьбыващи, о Тебе бо и еггесство обновляется и время. Темже молимъ Тя миръ градѣ Твоемѣ даровати и дѣшамъ нашимъ велию милость.

честь торжества нового обретения пояса, а само празднование в честь его положения в Халкопратии приобрело ещё большую торжественность (вмесьцесловах он отмечен знаком «малый праздник»).

После падения Константинополя святыня покинула город. Части пояса донныне хранятся в монастыре Ватопед на Святой Горе Афон, на Кипре в монастыре Троодитисса, где прославились множеством чудес и Прато (Италия) — святыня, предположительно захваченная крестоносцами во время I Крестового похода в Иерусалиме у православных, почитается как пояс, который, по преданию, Дева Мария вручила апостолу Фоме на третий день после Своего погребения.

В монастыре Ватопед честной пояс Божией Матери хранится начиная с XIV века. Свидетельства о чудесах, не иссякают по сей день. Чудотворную силу святыни признавали даже турецкие султаны. Так, в 1871-1872 годах султан Абдул-Азиз обратился к ватопедским отцам с просьбой доставить пояс в Константинополь, прислав для этой цели пароход прямо к пристани обители. Как только судно приблизилось к Константинополю, бушевавшая там эпидемия холеры прекратилась, и удивленный правитель приказал принести святыню во дворец для поклонения.

Известны многочисленные случаи исцелений от различных болезней благодатью честного пояса Божией Матери, но особенно ярко она проявляется в помощи бездетным супругам. Монахи хранят множество писем, в которые счастливые родители вложили фотографии своих детишек, родившихся благословением Божией Матери, посредством Ее честного пояса.

По традиции святыня ежегодно исходит из стен монастыря на краткий срок и проносится по греческим городам для чествования и поклонения. Это событие обычно проходит с особой торжественностью.

Православие.ру

ЛОНГИН, МИТРОПОЛИТ САРАТОВСКИЙ И ВОЛЬСКИЙ

МОЖНО ЛИ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ В ЦЕРКВИ

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что самой большой ценностью в современном мире считается человеческое «я». С малых лет человеку внушают, что нет ничего важнее отстаивания им собственных интересов, нет ничего интереснее и прекраснее проявлений его индивидуальности, какими бы они были.

Нам говорят, что такое самоощущение — естественный и закономерный результат развития человечества, воплощение его самых светлых идеалов, которые были заложены в эпоху античности.

Правда, сомнительность такого мировоззрения уже в античные времена (когда, кстати, представление о личности было довольно смутным) была очевидной.

В еврипидовской «Медее» муж оставляет героиню, отнимает у неё детей, а саму её изгоняет, — потому что опасается её мести. Но его представление о характере супруги оказывается неполным: на издевательский вопрос вестника: «Что у тебя осталось, гордая Медея?» она в ярости отвечает: «Я! И этого достаточно», — и приступает к уничтожению людей: убивает соперницу, её отца и собственных детей. Вот такое видение человеческого «я» в его наивысшем проявлении оставил нам в наследство великий греческий драматург.

Подавляет ли Церковь свободу личности?

В нашем обществе с советских атеистических времён сохраняются некие стереотипы. Один из них провозглашает свободу личности вершиной человеческой культуры; второй указывает на Церковь как на институт подавления человеческой личности, всех её свободных проявлений.

К сожалению, стереотипы живучи, причём чем больше они лишены обоснования, тем сильнее укрепляются в качестве прописной истины. Те, о которых мы говорим, приняты даже в самых образованных кругах, потому что при сколь угодно высоком образовательном статусе знания человека о христианстве и Церкви могут быть совершенно превратными. И поскольку сегодня в Церковь приходят, как правило, взрослые, вполне сложившиеся люди, то даже если они всерьёз ищут Бога, с уважением воспринимают то церковное учение, которое познают, они всё равно подчас спотыкаются об эти стереотипы и начинают задумываться: не теряет ли человек в Церкви собственное «я»?

В Церкви внимание к слову «я» всегда было очень пристальным и настороженным. С одной стороны, признавая высочайшее достоинство человека как образа Божия, Церковь говорит о том, что каждый из нас индивидуален и неповторим. Индивидуальность — это то, что заложено в человека Богом: совокупность его талантов, способность к миропознанию, — и в таком понимании слово индивидуальность не несёт никакого отрицательного смысла.

Но современный мир называет индивидуальностью, собственным «я» нечто совершенно другое — то, что святые Отцы понимали под словом самость. Самость — это когда человек делает своё «я» мерилем всего окружающего, а в конечном итоге — всего мироздания, и все события, происходящие вокруг, других людей, их поступки оценивает именно через призму своего «я». В этом смысле даже с точки зрения расхожего представления о человеческой нравственности самость — недостаток, понятие того же ряда, что и эгоизм. А с точки зрения святых Отцов воля человека, понимаемая как его самость, — медная стена между ним и Богом (*преподобный Пимен Великий*).

Нашему современнику, как правило, ещё не обладающему опытом духовной жизни, трудно это понять. И это неудивительно, потому что мы даже не сознаём порой, насколько катастрофично то, что большую часть информации об окружающем мире и о своей собственной природе человек получает сегодня из недостоверных источников, какими являются массовая культура, реклама и СМИ. Вся мощь этого потока направлена на то, чтобы взрастить в человеке непоколебимую уверенность в абсолютной ценности его собственного «я». К чему это приводит?

Эффект «голового короля»

На уровне своей внутренней жизни человек оказывается совершенно дезориентированным. Находясь на воображаемом пьедестале, он не может построить нормальные, здоровые, добрые взаимоотношения с людьми, тем более — предать свою жизнь Богу, довериться Ему. На другом уровне, во всех областях человеческой деятельности это всё складывается в парадоксальную ситуацию: первенство уверенно завоёвывает воинствующий непрофессионализм.

И это неудивительно: если человек стремится утвердить своё «я», свою индивидуальность как самое ценное, что есть на свете, то учиться необязательно, осваивать азы профессии, так называемую «школу» — излишне, изучать и учитывать опыт предыдущих поколений — напрасная трата времени.

Сплошь и рядом мы видим: непрофессионал дерзает войти в сообщество профессионалов, просто заявив:

«А я вижу это так». И люди, которые понимают, что это его «видение» не стоит выеденного яйца, что оно наивно и даже безумно, уже боятся называть вещи своими именами, поскольку их могут обвинить в неуважении к личности. Возникает лавинный эффект: человек случайно или преднамеренно встретился и поговорил с кем-то «нужным», тот благодушно решил, что в речах его что-то есть, помог опубликовать нечто в газете, а то и выступить по телевидению...

И дело сделано: отныне его будут и печатать, и приглашать, и представлять как философа-политолога-историка-культуролога (и очень скоро — со всесокрушающим довеском наш известный...). И даже не потому только, что критерии истинного знания размыты и что СМИ обладают колоссальной силой воздействия, но и потому что считается необходимым уважать право личности на личное мнение и на высказывание этого мнения.

Эффект «голоого короля» из сказки Андерсена со временем не только никуда не исчезает, но наоборот, усиливается, — может быть, и потому, что не находится эфирного времени для ребёнка настолько наивного, чтобы он мог крикнуть: «А король-то голый!». Особенно заметно это на примерах так называемого авангардного искусства: вещи, которые на взгляд огромного количества людей являются всего лишь новым платьем короля, занимают места в музеях, о них пишут книги, их изучают, продают и покупают за огромные деньги. Из них даже устраиваются выставки в ... притворах храмов.

Символом, знаковым явлением авангарда считается «Чёрный квадрат» Малевича. Мне всегда было интересно узнать, что на самом деле думал этот художник, видя такой ажиотаж вокруг своих бесчисленных чёрных (красных, белых) квадратов (крестов, кругов)? Очень показательно, что как на первой выставке, где был представлен «Чёрный квадрат» (в 1915 г.), так и на совсем недавних экспозициях, в состав которых он входил, подчёркивалось, что эта картина занимает место иконы в красном углу, что она создана в противоположность иконе.

Всё это, конечно, не случайно. Путь человека, каким видит его современное искусство — это путь к абсолютной самости, который не просто уводит творение от Создателя, заставляя забыть о Нем, но и придаёт безумную смелость бросать Ему вызов.

Культура смирения

Невозможно отрицать, что древнерусская культура обогатила человечество несомненными шедеврами. А между тем её по праву можно назвать культурой смирения; наверное, это её главное основополагающее свойство. Но беда в том, что стараниями многих поколений общественных, политических деятелей и публицистов слово смирение в языке секулярного общества приобрело несвойственный ему смысл чего-то серого, умственно и эстетически убогого, заурядного.

На самом деле смирение — это глубоко укоренённое в сознании понимание сущности предстояния человека перед Богом. Смирение — это умение властвовать над собой перед лицом Божиим, трезвое понимание своей роли в мире, причём не только относительно его Творца, но и относительно других людей, — и не только людей, но и всякой твари. Смирение человека творческого способствует расцвету его таланта, между тем как личностные амбиции зачастую ведут к творческой деградации. Вопреки распространённому мнению, уныл и однообразен — грех, ибо отец его, он же князь мира сего, пуст и бесплоден. Бог же как совершенный Творец одаривает смиренного творческим даром: Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать (Иак 4:6).

Обратитесь к любому памятнику древнерусской письменности — и вы увидите, что автор, летописец, переводчик, составитель, переписчик всячески подчёркивают, что их собственный труд совершенно ничтожен, незначителен. В этом — глубокое понимание того, что творчество есть дар Божий, а такое понимание влечёт за собой и искреннее самоумаление пред Богом. Оно ничего общего не имеет с униженностью; просто человек испытывает благодарность к Творцу и умеет трезво взглянуть на себя: Кто Он — и кто я?

Нужно сказать, что жёсткого требования анонимности письменной культуры в Православии нет. Творения отцов Церкви личностны; в православной гимнографии приняты указания на авторство: в богослужебных книгах перед текстом канона или стихиры обычно пишется, например, творение господина Иосифа.

В молитве перед отпущением грехов кающемуся священник называет себя недостойным, и это не фигура речи, а трезвая констатация. Точно так же ощущают своё достоинство и те, кто создаёт произведения церковного искусства. Так, когда иконописец готовится к своему труду. Для него время

написания иконы — это время духовного труда, предстояния перед Господом.

* * *

Приходя в Церковь, человек просто не может «потерять себя» — человеческая душа пред Богом не может потеряться, она драгоценна для Него. Однако если он по-настоящему становится христианином — меняется его восприятие мира, его чувства и поступки. И хотя они становятся более правильными, это может быть непонятным для окружающих — так рождаются упреки «со стороны» в том, что человек потерял себя. Насколько они оправданы?

Когда христианин начинает борьбу с грехом, он видит, что в его жизни многое не так, но не имеет ещё навыка «различения духов», не имеет рассудительности и трезвости (а это самые ценные и на самом деле самые тяжело приобретаемые качества). У него зачастую нет перед глазами живого примера христианской жизни. Порой нет и духовника, с которым можно было бы посоветоваться. Главная проблема современного христианина — он обрёл веру, но не знает, как ему реализовать её в своей жизни, как жить по-христиански. Ему хочется совместить веру со своей привычной жизнью, — но необходимо ведь и от чего-то отказаться.

У неопита, который всю свою жизнь провёл вне Церкви, возникают вопросы, которые могут показаться кому-то маловажными: можно ли слушать музыку? а можно ли заниматься спортом? можно ли читать какие-то книги, кроме духовной литературы? Вот авву Дорофея прочитал, Феодана Затворника тоже... А можно ли, просто чтобы отдохнуть, Донцову с Акуниным?... Как трудно оказывается оторвать от себя не только грех, но и какие-то устоявшиеся привычки, — то, что на поверхности!

Если уж говорить о допустимости или недопустимости чтения светской литературы, то здесь не может быть обязательных для всех категорических указаний. Всё зависит, во-первых, от того, кто читает, потому что на разных людей одна и та же книга может повлиять по-разному — помочь или повредить; а во-вторых, немаловажен и выбор литературы. Всё-таки есть книги однозначно вредные, отстаивающие в качестве ценностей прямо враждебные человеку (любому, а не только верующему) воззрения. Есть книги просто пустые, которые читают для того, чтобы развлечься, отвлечься (от чего?), наконец, просто-напросто убить время, — как будто его у нас с избытком, как будто не ценен в деле нашего духовного возрастания каждый миг. Точно то же и с музыкой — но никто ведь не призывает уверовавшего отвергнуть Баха, Моцарта, Вивальди.

На первых этапах человек часто движется ощупью, хотя на самом деле его интуиция во многом правильна.

Очень многое из того, с чем он сроднился, живя без Бога, действительно лучше оставить, потому что это несовместимо с верой, с поведением христианина, — но нельзя перечёркивать всю свою жизнь. А поскольку дара рассудительности нет, то, конечно, какие-то щепки и летят...

* * *

Для того чтобы трезво относиться к самому себе, надо приобрести верное представление о человеческой природе. Надо помнить, что человек весь повреждён грехом, поэтому он легко склоняется ко греху, легко совершает его. Мы удобопреклонны ко греху, легче грешим, чем творим добро. И всё же именно наши разум и чувства дают нам способность к богопознанию. Наша вера — не «слепая».

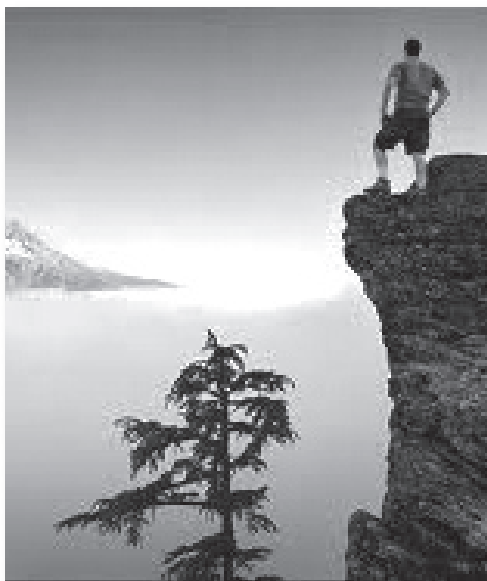
Разум, обученный рассуждать, владеет таким инструментом, как логика. Он способен наблюдать, анализировать, накапливать некие примеры одного ряда, связывать их друг с другом. Разум способен остановить человека, подавшегося внезапно вспыхнувшему чувству. Человек, живущий эмоциями, чаще делает ошибки; не рассуждая.

Но что такое общение с Богом? Для человека оно ни на что не похоже. Логика подводит: у разума нет прецедента, он не может классифицировать, отнести общение с Богом ни к одному из привычных видов общения... А при этом чувства становятся тем открытым «окном», в которое мы видим Бога. Однако нужно не просто увидеть Его и застыть поражённым,

но принять, впустить Бога, открыть Ему двери своего сердца. И здесь уже должен вступить в действие разум: должно начаться познание самого себя, основ духовной жизни, должно прийти осознание своей греховности, немощи — тогда у человека появится воля к исправлению.

По мере того как человек, ведущий духовную жизнь, очищается и приближается к Богу, его «я», его самость действительно исчезает — но не в привычном для нас смысле. Индивидуальность не уничтожается как нечто бессмысленное и никому не нужное — просто в человеке начинает действовать Бог. Он действует в

нас настолько, насколько мы предоставляем Ему такую возможность, в зависимости от того, какое место мы позволяем Ему занять в нашей душе. Даже самая крохотная частица Божества неизмеримо больше любого нашего «я», которое не уничтожается, не подавляется в верующем человеке — а растворяется в Боге. Духовная жизнь действительно меняет человека: из жертвы павшего мира он становится таким, каким его задумал Бог, то есть неизмеримо более совершенным, нежели он сам мог себе представить в самых дерзостных мечтах о том, каким он хотел бы быть.

Отец Фаддей (Штрабулович) — это особое явление в новейшей духовной истории Сербии.

Когда рассказывают о старце, о его высокой любви к Богу и ближним, о его подвижнической жизни и явных дарах прозорливости и молитвы, лица сербов светлеют.

Для русского читателя духовное наследие отца Фаддея особенно интересно еще и в той связи, что старец — постриженник и воспитанник русских монахов, оказавшихся в Сербии после революционной трагедии нашей страны. Таким образом, из его духовных наставлений православная Россия ныне получает то, что несколько десятилетий назад православная Сербия получила от духовных наставлений прибывших русских монахов.

Каковы наши мысли, такова наша жизнь

Архимандрит Фаддей (Штрабулович) родился в 1914 году. В 15 лет, он тяжело заболел. В больнице, после месяца безуспешного лечения, его записали на мучительную процедуру. Юноша стал отказываться от нее и услышал от врача, что если пойдет на терапию, то может быть, выздоровеет, а если нет, то проживет только пять лет.

Убедившись, что даже эта процедура не может обещать выздоровления, юноша принял решение посвятить оставшиеся пять лет Богу и сразу отправился в монастырь Горняк, где сообщил о желании принять монашество. Один русский монах, чтобы найти подлинно духовного руководства, посоветовал пойти в монастырь Мильково, где жили монахи, уехавшие из Валаамского монастыря, отошедшего в 1924 году к Финляндии.

Были там и монахи, прежде перешедшие на Валаам из Оптиной пустыни, в том числе и настоятель архимандрит Амвросий, ученик и постриженник преподобного Амвросия Оптинского. Он и благословил, после испытания, принять сербского юношу в монастырь.

Вот как впоследствии старец описывал: «Когда я послушником пришел в монастырь Мильково, мне дали четки и научили меня, как надо молиться. И как мне показали, так я и делал. Я полностью отдался Иисусовой молитве. Я думал, что у меня осталось лишь пять лет жизни и что не стоит тратить их попусту. Так я решил искать свой путь к Богу. В скором времени, именно вследствие этой полной преданности Богу и искренней тоски по Богу, меня озарила Божественная благодать, которая в моей душе оставила неопишущую радость и спокойствие. Слушаю сердце и слышу внутри: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»».

После смерти отца Амвросия, о котором старец Фаддей вспоминал как о человеке святой жизни, юноша перешел в монастырь Горняк, где игумен был также русский, отец Серафим. Именно он постриг в монашество будущего великого старца. А через два года отец Фаддей сподобился рукоположения во священник сан.

В монастыре Витовница, посвященном Успению Божией Матери, старец подвизался до праведной своей кончины в 2003 году. Здесь же началось и его старческое служение, когда множество людей, и малых и великих, ежедневно приходило к нему за советом, поддержкой и утешением.

Из записок архимандрита Фаддея (Штрабуловича)

Духовная жизнь есть жизнь умная, вознесенная над всеми желаниями и всеми чувствами сего мира.

Главнейшее в духовной жизни — хранить сердце в мире. Господь глядит в глубину сердца, что оно там желает и к чему стремится.

Душа, которая предала себя воле Божией, ничего не боится и ничем не смущается.

Любовь — самое сильное оружие из всех, что существуют; нет такой силы или оружия, которые могут бороться против любви: она все их преодолевает. По отдельности любовь, мир и радость творят чудеса,

а соединенные вместе могут исполнить все заповеди.

Ум, воля и сердце в просвещенных людях были едины, а в [непросвещенном] человеке они чаще всего разделены, отсюда и многочисленные человеческие беды в жизни.

Наряду с хранением мира в сердце, упражняйтесь и в стоянии пред Господом. Это значит: непрестанно держать в уме, что Господь смотрит на нас.

Нет непростительного греха, кроме греха нераскаянного.

Нужно нам научиться владеть своими мыслями, чтобы вносить в них порядок.

Нужно нам ради своей пользы предаваться добрым мыслям и желаниям, и затем наступит гармония у нас, у родственников и шире, ибо, где бы мы ни оказались, мы будем испускать из себя мысли тихие и мирные, полные доброты.

Даже наименьшая мысль, которая не основана на любви, разоряет мир. Принимающий злой помысел принимает самого врага в тело [свое]. Духи невидимы, мы им даем тело, чтобы стали видимы.

Наши мысли — причина не только войн и землетрясений, но и экологической загрязненности,

которую превосходит гораздо более опасная духовная загрязненность.

Потрудитесь иметь добрые мысли и добрые желания и друзьям и недругам, и увидите, какой добрый плод получите и вы, и все, кто вас окружает.

Перестаньте думать зло о своем начальнике или коллеге по работе, перемените злые мысли на добрые, и увидите, как изменится поведение ваших прежних «неприятелей».

Утром, когда встаешь, не выходи из дома не помолившись, а вечером поблагодари Бога за этот дивный день.

[Даже] очень маленькая соринка [попав в глаз] мешает смотреть, точно так же и маленькая забота [о чем-либо постороннем] мешает молиться.

Если мы молимся без внимания, тогда мы не молимся ни духом, ни истиной.

Молитва есть черпание энергии из Источника жизни.

Для молитвы требуется внимание. Оно должно идти впереди молитвы, чтобы мы знали, чего ищем, о чем молимся.

Смирение есть совершенство христианской жизни.

Смирение есть Божественное свойство. Где царствует смирение: в семье ли, обществе — оно всегда исходит из себя Божий мир и радость.

Смиранный [человек] совершенно доволен всем, что дал ему Бог, и счастлив в сердце. Смиранный человек незлобив, он никому не желает и не делает зла, даже тем, которые ему причиняют зло.

Смиранный человек на всякого смотрит как на того, кто выше его.

Смираннымудрие достигается постом, молитвой, а особенно послушанием.

Пост нужен для смирения тела, ибо, когда тело смиряется, смиряется и душа.

Здесь, на земле, с нами часто бывают многие беды и тяготы, а все оттого, что мы не смирили себя.

Если человек многого требует, тогда он сам себя [этим] мучает.

Человек, который думает, что все знает, непослушен, а непослушного человека никто не может вести. Непослушному не получится вселиться в Царствие Божие, ибо он всегда

хочет творить свою, а не Божию волю.

Не можем спастись без борьбы против диавола. Нужно претерпеть много сердечных скорбей, прежде чем душа освободится.

Гнев побеждается отрицанием желаний и своей воли.

Если мы перестанем ставить себя по отношению к людям как судьи и как некие достойные, то гнева не будет.

Если кто-то скажет или сделает нечто, что нам не по нраву, и мы, не разбирая, прав ли этот человек или нет, чувствуем себя оскорбленными — мы во власти гордости.

Зависть разоряет внутренний мир и душевное спокойствие.

Господь иногда открывает нам в мыслях ответ на разные вопросы и тайны, а иногда молчит, чтобы мы обращались к [другим] людям за советом и так смиряли себя.

В жизни каждого можно найти нечто поучительное. И у величайшего разбойника есть нечто доброе.

Жизнь здесь, на земле, есть непрестанная физическая и умственная борьба.

Человек только орудие в руках Господних.

Лучше петь, чем причитать. Пой. Народ говорит: тот, кто поет, о зле не думает.

Божественная любовь не терпит эгоизма.

До тех пор пока мы обращаем внимание на негативные стороны отдельных людей, которые обращаются к нам, мы не можем иметь мира и покаяния.

Когда найдете некую родственную душу, оставайтесь с ней, ибо то есть великая радость — дружить с единомышленниками.

Зло есть злоупотребление добром со стороны разумных существ, которые пали в низкое мудрование и теперь своими мыслями и желаниями производят в себе и вокруг себя хаос.

Вся цивилизация ныне направлена на то, чтобы отвратить внимание человека, особенно молодого, от себя, от взгляда внутрь, в свое сердце.

Ни одно знание, до которого дошла человеческая наука, Бог не даровал во вред, но все даровано исключительно на добро. Если твои родители атеисты, а ты верующий, не упрекай и не дразни родителей своей

верой, но молись за них и будь к ним добр.

Проповедовать следует не от ума, а от сердца. Только то, что сказано от сердца, достигнет другого сердца.

Гораздо лучше учить жизнью, чем словами. Опасно быть строгим к другим.

Каково наше отношение к ближнему, таково наше отношение и к Богу.

Наш ближний есть тот, кто ищет у нас помощи.

Хорошо все, что делается ради Бога, а не ради славы.

Страх Божий — это не животный страх сего мира. Тот есть адское свойство. Жизнь наша постоянно в страхе: что случится завтра, в будущем? Страх же Божий [подобен тому], когда вы кого-нибудь от сердца любите, то следите, чтобы всем своим бытием, не только словами и делом, но и мыслями не обидеть, не огорчить его.

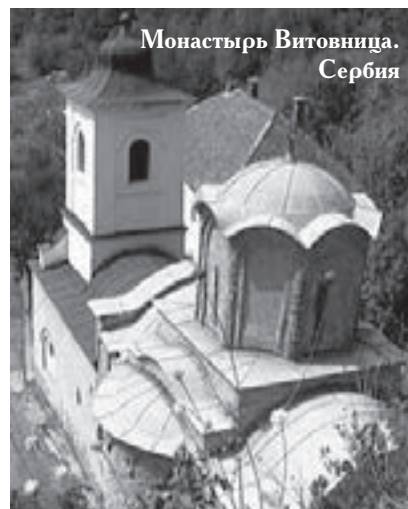
Забота о душе драгоценнее всех даров сего мира.

Если родитель в гневе бьет ребенка, он ничего этим не достигнет.

Если в семье, где почти все члены довольны, один недоволен и начнет думать, что к нему относятся несправедливо и не поступают хорошо, тогда все в той семье становятся недовольными, а не знают, из-за чего.

Здесь, на земле, нет того, кто даст нам внутренний мир. Ибо ни богатство, ни слава, ни честь, ни положение, ни родственники, ни ближние не могут нам дать внутренний мир, который будет непоколебимым. Один есть податель жизни, мира и радости — Бог.

Юрий Максимов
Православие.ру

Монастырь Витовница.
Сербия

Дорога жизни

Александр Солодовников (1893-1974) — по праву один из лучших русских духовных поэтов XX века.

Ему было дано выразить в своём творчестве цельное христианское мировоззрение.

Александр
Александрович
Солодовников

Родился Александр Александрович в семье преподавателя правоведения, Александра Дмитриевича Солодовникова и Ольги Романовны, происходившей из рода заводчиков Абрикосовых.

Поэт закончил Московский Коммерческий Институт, затем учился на юрфаке МГУ, в дальнейшем работал над диссертацией. Но всю его блестящую будущность перечеркнула война и революция. Начались бесконечные тюрьмы, лагеря, ссылки, превратившие его в истинного христианина в жизни, и поэзии.

На свет Божий явился новый человек. «Но сквозь утраты и печали растёт духовный человек...», — как он позже скажет в одном из стихотворений.

В борьбе за хлеб, в земной тревоге
Нам суждены удары в грудь.
Но, лишь сойдя с большой дороги,
Мы обретаем правый путь.
Все не сбылось, о чем мечтали,
Бредем и мы в толпе калек,
Но чрез утраты и печали
Растет духовный человек.

В период первого ареста поэтом было написано около 40 замечательных стихотворений, вошедших в т.н. «тюремный цикл», в том числе и стихотворение «Молитва».

Я ношусь облетевшим листом
По долине безрадостно снежной...
Помяни меня в Царстве Твоем
Иисусе, печальный и нежный.

Вспомнив лик свой младенческий, прежний,
Мне бы вновь заструиться теплом...
Иисусе, печальный и нежный,
Помяни меня в царстве Твоем.

Мне бы сердцем пожить, не умом,
Простотою, с неведеньем смежной...
Помяни меня в царстве Твоем,
Иисусе, печальный и нежный.

Зима 1927г. была суровой и голодной, квартиры не отапливались. Солодовников теряет своего 3-месячного сына.

Дочери Мариночке, тогда было полтора года, по рассказам близких, она была очень ласковой и чуткой девочкой. Александр Александрович пишет детские стихи.

«О, Посылающий цветочку
Тепло, и солнце, и дожди,
Взгляни, Господь, на нашу дочку
И жизнь ее благослови.
Пусть перед нею мир, как новый,
Как первозданный расцветет —
Могучий бор темноголовый
И блеск небес, и говор вод.
Но мир узорною парчею
Да не закроет ей Тебя,
Пускай она горит душою,
Христа взыскупа и любя.»

В 1934 году происходит ещё одна трагедия. из-за халатности врачей умирает Мариночка, не достигшая 9 лет. Александр Александрович очень любил дочку, крайне тяжело переживал ее смерть и написал посвященное ей стихотворение:

«С тех пор, как она на небо
Ушла в покой голубой,
Я понял — монашеский жребий
Предназначен мне был Тобой.

И уж не как летучее слово,
А как сердца живую боль,
Постиг я тщету земного
И земли настоящую соль.

И бессонное мое око
Обратилось уже навсегда
К живущим в лучах высоко,
Где блещит и моя звезда».

В 1939 году Александр Александрович был арестован и заключен в тюрьму «Матросская тишина», осужден и сослан на 6 лет в концлагерь на Кольму, в Магаданскую область, на работу в молибденовых рудниках. После таких работ обычно почти все заключенные погибали, так как руда была радиоактивна. Чудом Александр Александрович остался жив. Он рассказывал, что во время его пребывания в лагере потерпел аварию летчик и помещен был в больницу. Александру Александровичу поручили ухаживать за ним. Летчику полагался довольно значительный продуктовый паек, которым тот из благодарности и дружеской симпатии делился с Александром Александровичем. Только благодаря этому Александр Александрович остался жив, так как в лагере был голод.

Лен, голубой цветочек,
Сколько муки тебе суждено.
Мнут тебя, трепят и мочат,
Из травинки творя полотно.
Все в тебе обрекли умирая,
Только часть уцелеть должна,

Чтобы стать драгоценною тканью,

Что бела и тонка, и прочна.

Трепи, трепи меня, Боже!

Разминай, как зеленый лен.

Чтобы стал я судьбой своей тоже

В полотно из травы превращен.

В 1946 году он был освобожден, и еще в течение 10 лет вынужден быть жить «на поселении» в Магаданской области в поселке Сеймчан.

«Решетка ржавая, спасибо,

Спасибо, старая тюрьма!

Такую волю дать могли бы

Мне только посох да сума.

Мной не владеют больше вещи,

Все затемняя и глуша.

Но солнце, солнце, солнце блещет,

И громко говорит душа.

Запоры крепкие, спасибо!

Спасибо, лезвие штыка!

Такую мудрость дать могли бы

Мне только долгие года.

Не напрягая больше слуха,

Что б уцелеть в тревоге дня,

Я слышу все томленье духа

С Еклезиаста до меня.

Спасибо, свет коптилки слабый,

Спасибо, жесткая постель,

Такую радость дать могла бы

Мне только детства колыбель.

Уж я не бьюсь в сетях словесных,

Ища причин добру и злу,

Но в ожиданье тайн чудесных

Надеюсь, верю и люблю.»

Имея большой музыкальный и артистический талант, он работает музыкальным руководителем Сеймчанского детского сада и в 1956 году получает извещение о своей реабилитации. Сеймчане очень полюбили Александра Александровича, просили остаться жить и работать у них. Однако он возвращается в Москву.

Поэт часто посещает храм Ильи Обыденного — недалеко от того места, где ранее находился разрушенный храм Христа Спасителя.

Вот одно из его лучших стихотворений, отражающее его настроение в то время:

«Смотреть на мир — как это много!

Какая радость без конца!

Смотреть на мир и видеть Бога,

Непостижимого Отца.

По вере жить — как это много!

Не уклоняясь от креста,

По вере жить и славить Бога,

За нас распятого Христа.

В молитве быть — как это много!

Встречать сердечную весну.

В молитве быть и слышать Бога —

Святого Духа тишину.»

Основными трудами Александра Александровича Солодовникова являются сборники стихов: «Слава Богу за все» и «Дорога жизни». Он написал также несколько пьес для домашних рождественских спектаклей.

Писал и церковно-археологическую прозу, в частности посвященную Московскому некрополю и людям святой подвижнической жизни, погребенным на московских кладбищах.

Умер в преклонном возрасте, 16 ноября 1974 года. Погребен на Ваганьковском кладбище рядом с храмом Воскресения Словущаго.

Краеугольный камень поэзии Александра Солодовникова — это христианское смирение.

Недаром писал он в одном из своих замечательных стихотворений 30-х годов:

...Из рук Твоих любую муку

Покорно, Господи, приму.

С ребенком смертную разлуку,

Темницу, горькую суму.

И, если лягу без движенья,

Когда я буду слеп и стар,

Сподоби даже те мученья

Принять, как благодатный дар.

Как Ты решаешь, так и надо.

Любою болью уязви.

Ты нас ведешь на свет и радость

Путями скорби и любви.

Всем своим творчеством утверждает поэт приоритет высших, духовных ценностей над временными и земными.

«Не думай, что Божье творенье застыло

На том, что мы видим, на том, что мы знаем.

Неистошима Отчая сила,

Живем мы над зыбким, изменчивым краем.

Человек, как созданье, не завершен,

Бессмертной душою он в рост устремлен,

И должен дозреть до положенной меры

Перед вступлением в новую эру».

Если б жил среди нас Леонардо да Винчи,
Не сумел бы он быть всеобъемлющим нынче,

Мы все новые знания с жадностью копим,

Мы увязли в науки бездонные топи.

Наш ученый, шагая по трассам наук,

Раздвигает все шире незнания круг.

Если атом пронизет он электрожалом -

Потеряет себя в бесконечно малом.

Если бездны галактик измерит лучом -

Потеряет себя в бесконечно большом.

Если путь проведет на другие планеты -

То свой путь на земле потеряет за это.

Если снимет он труд с человеческих рук -

То во вред обернется бесцельный досуг.

Если смерть и болезни не пустит он в дом -

То не хватит нам места на шаре земном.

Если силу, подобную солнцу, найдет,

То погибнет в борьбе человеческий род.

Если в сытом довольстве устроит народы,

То лишит их последней духовной свободы.

Если мы не о Боге, в тоске и томленье -

То напрасно горит человеческий гений.

Приговор раздается, кимвалом гремя:

«Ничего не возможно творить без Меня!»

Евгений ДАНИЛОВ

Стихи. ру

Предлагаем нашим маленьким читателям продолжить знакомство с творчеством РИХАРДА ФОН ФОЛЬКМАННА, немецкого врача-хирурга и писателя.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В одной деревне жил крестьянин — Ганс-простак. Сколько он ни трудился, никак не мог поставить на ноги свое хозяйство. Все дела у него шли кувырком.

Однажды сидел он на своем плуге и отдыхал, отирая пот с лица. По краю поля шла старуха с хитрыми глазами, про которую в деревне поговаривали — будто она волшебница.

— Не мучай себя понапрасну, — крикнула она Гансу, — все равно ничего путного у тебя не выйдет. Брось этот плуг, иди в лес, что в двух днях ходу отсюда. В лесу ты увидишь одинокую ель, которая выше всех деревьев. Там ты найдешь свое счастье.

Ганс не заставил себя долго упрашивать, помоллся, взял топор и отправился в путь. После двух дней пути отыскал он в лесу ту самую ель, срубил ее, она рухнула наземь, и в тот миг, когда ветви ели коснулись земли, из ее верхушки выпало гнездо с двумя яйцами. Яйца разбились — из одного выпорхнул птенец, а из другого — выкатилось золотое кольцо.

Птенец рос на глазах и, когда обратился в большого орла, забил крылами, взлетел и крикнул с высоты:

— Ты освободил меня, Ганс. В благодарность возьми это кольцо. Поверни его три раза на пальце и исполнится любое твоё желание. Но запомни — в кольце только одно желание, поразмысли над ним хорошенько. После исполнения желания кольцо теряет силу.

Орел большими кругами стал набирать высоту и исчез из виду.

Ганс надел кольцо на палец и пустился в обратный путь. Под вечер пришел он в большой город.

На улице, на пороге своей лавки стоял ювелир, у которого было в продаже множество дорогих колец и перстней. Ганс показал ему свое кольцо и спросил, сколько оно стоит.

— Пустяки, — важно ответил ювелир, едва взглянув на кольцо.

Ганс расхохотался и сказал, что его кольцо стоит всей лавки ювелира, и тут же поведал ему историю кольца. Ведь недаром Ганса прозвали простаком.

Тем временем стемнело. Городские ворота заперли. Ювелир позвал Ганса ночевать к себе, угостил его крепким вином, приласкал льстивыми словами и, когда Ганс беззаботно уснул, снял у него с пальца волшебное и подменил его точь-в-точь таким же, но обыкновенным кольцом.

Рано утром, только встало солнце, ювелир разбудил Ганса и сказал ему:

— У тебя впереди дальняя дорога. Лучше, если ты отправишься в нее пораньше. Скатертью дорожка, милый гость.

Ганс поблагодарил за ночлег и вышел из лавки.

Ювелир торопливо запер за ним дверь, закрыл ставни, чтоб никто не подсмотрел с улицы, стал посреди комнаты, трижды повернул кольцо и крикнул:

— Хочу иметь ровно сто тысяч талеров!

Едва он выговорил это, как с потолка хлынул ливень из талеров. Твердые, блестящие, полновесные талеры лились стремительным потоком, до крови били ювелира по голове, по плечам, по рукам. В ужасе, крича от боли, бросился он к дверям и уже почти достиг их, как загнулся, упал, и подняться не смог.

А ливень не кончался — ведь сто тысяч золотых та-леров, это страшно много. Под их тяжестью скоро прогнулся пол комнаты, и ювелир вместе с золотом рухнул в глубокий подвал.

На этот шум прибежали встревоженные соседи.

Когда они увидели мертвого ювелира под огромной грудой золота, они сказали:

— Да, это большое горе, когда привалит слишком много счастья.

А Ганс пришел домой и радостно сказал жене:

— Теперь наше счастье с нами, милая моя женошечка. Только нужно как следует подумать, что мы хотим.

— Как ты думаешь, — сказала жена, — не пожелать ли нам еще несколько акров пахотной земли? Ее у нас так мало. Давай пожелаем то поле, что на опушке леса.

— Если мы хорошо поработаем, — возразил Ганс, — даст Бог, мы его и так купим.

И, действительно, в этом году Ганс с женой трудились старательно, как никогда, и сняли такой урожай, что купили поле на опушке леса, и еще у них денег осталось.

— Ну вот, — сказал Ганс, — у нас есть поле, и еще желание в запасе.

— Неплохо бы пожелать нам корову и лошадь, — сказала жена.

Ганс побрякал в кармане штанов оставшимися деньгами и сказал:

— Тебе все не терпится истратить свое желание. Поработаем лучше на совесть, будут у нас и корова с лошастью.

И, верно, после второго года усердного труда, были у них и корова с лошастью.

— Вот видишь, — сказал Ганс. — Опять один год сэкономил нам желание.

— Я тебя не понимаю, — с досадой сказала ему жена. — Раньше ты всегда жаловался, что у тебя нет возможности исполнить свои желания, теперь такая возможность есть, а ты по-старому надрываешься на работе. Уходят твои лучшие годы. Посмотри, как знамениты король, император, граф. И ты можешь стать любимым из них, иметь сундуки золота, а ты не решаешься, что выбрать.

— Дорогая моя, — сказал ей от простоты своего сердца Ганс, — оставь суетные метания. Мы еще оба молоды, жизнь у нас долгая. Не спеши растратить единственное желание, чтобы

потом не пожалеть об этом. Кто знает, как повернется жизнь. Будем же разумны — будем молиться милосердному Богу, трудиться, любить друг друга и как следует обдумываем, что же нам пожелать.

И так получилось, что с этим кольцом в доме Ганса поселилось счастье. Амбары и кладовые у него наполнились год от года, и вскоре из бедного крестьянина он стал зажиточным хозяином. Но не зазнался, не возгордился и по-прежнему был прост и ласков со всеми. Много людей работало у него, многих людей кормил он и одевал, и на Пасху дарил всем по талеру.

Так проходил год за годом. Порою жена напоминала Гансу о кольце и делала ему разные предложения. И вот однажды, когда они были уже стариками и головы их побелели, как снег, Ганс сказал ей с улыбкой:

— Что же нам пожелать с тобой, дорогая моя старушка? — и начал поворачивать кольцо на пальце, но в этот миг Господь призвал душу его к Себе. Сразу же умерла и его жена.

Дети и внуки плакали, прощаясь с ними. Один из сыновей хотел снять кольцо у отца, но старший сын запретил ему:

— Не трогай. Пусть оно уйдет с отцом в могилу. С этим кольцом была связана какая-то тайна. Мать так часто посматривала на него и при этом что-то говорила отцу. Видимо, это был какой-то хороший подарок.

**По страницам книги
«Сказки из волшебного
сундука»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало № № 10-12, 2010 г., № 1-9, 2011 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Митрополиту Тобольскому святому Иоанну (Максимовичу) Бог судил послать ранние лучи благодатного учения Иисуса Христа китайскому народу. По распоряжению митрополита была создана и выехала в Китай Российская духовная миссия. Любознательный китайский народ принял православных миссионеров благожелательно. А через несколько лет уже немало китайцев охотно посещали русские церкви, в которых службы велись не только на старо-славянском языке, но и на китайском. Митрополит Тобольский Иоанн и сам намеревался отправиться туда для миссионерских трудов, да Господь раньше завершил его земной путь. А через два столетия эту мечту принял как эстафету и осуществил праплемянник митрополита Тобольского Иоанна (Максимовича) — Иоанн (Максимович) — младший.

Встречи в Поднебесной ¹ Духовная миссия в Китае

В хмуром утре на Хуанпу послышался сиплый, протяжный гудок. Казалось, он с трудом преодолевал водянистый осенний туманец, окутавший пристань. И хотя ожидаемый пароход находился ещё где-то за поворотом реки, люди оживились, стряхивая с себя холодное оцепенение. Прошло довольно много времени, пока транспортное судно, отдалённо напоминающее постройки шанхайских трущоб, как приведение, возникло из тумана над утлыми джонками. Судно двигалось так медленно, что казалось, плицы громоздких колёс напрасно шлёпают по чёрной воде Хуанпу. И всё же пароход, хотя и медленно, но приближался к пристани. Лениво притулился ржавым боком к деревянной причальной стенке. Заспанные матросы сдвинули трап, и пассажиры, таща за собой чемоданы и тюки, потянулись по нему на берег. Встречающие жадно всматривались в сходящих, ища глазами величественного старца с архиерейским посохом. Вот уже последним с трапа сошёл маленький, щупленький монах, а величественного старца так никто и не увидел. Маленькому монаху кто-то преподнёс цветы. А кто-то разочарованно проговорил: «Не сомкнутся сегодня два важных события: праздник Входа

во Храм Пресвятые Богородицы и входа на Шанхайскую кафедру нового епископа. Это совпадение встречающие считали не случайным и надеялись, что новый владыка будет под омофором Небесной Покровительницы и оттого преумножит дела архиепископа Симона, миссионера высокой духовной жизни, много лет подвизавшегося на православной ниве Поднебесной.

Среди встречающих пронёсся новый слух, что владыка Иоанн всё же прибыл, и что он — тот самый хиленький монах, которому вручали цветы. От этого известия толпа, будто бурлящая вода, прорвав запруду, хлынула в кривую улочку, ведущую в сторону кафедрального собора.

Храм заполнился людьми настолько, что ни перекреститься, ни дышать невозможно. На солею вышел, действительно, тот самый щупленький монах, которого на пристани не признали за владыку. Тёмные волосы его будто устремились разлететься из-под клобука в разные стороны, борода, казалось, проделывала то же самое. Вот такое впечатление было о владыке Иоанне (Максимовиче) — младшем, и это впечатление делало нового владыку похожим на праведного Лю Хая, китайского отшельника,

который никогда не причёсывался. Китайцы, которых было много среди встречающихся, смотрели на нового владыку так, будто перед ними стоял сам Лю Хай.

Некоторое время владыка Иоанн, опираясь на архиерейский посох, как на палку, рассматривал своих новых пасомых. Но вот он заговорил. Люди сразу как-то напряглись, потому как первые звуки его голоса показались довольно странными, будто исходили они не из груди его, а случайно залетели откуда-то снаружи храма, будто кто-то пилил там полусгнившее дерево. Странно действовали эти звуки на прихожан. Люди так и стояли в неприятном оцепенении в течение всей его проповеди и в этом оцепенении мало что разобрали из его невнятной речи.

А потом в городе пошли разговоры, будто новый владыка глухонемой. Он де не слышит своего голоса, а потому по-другому говорить не может. А кто-то утверждал, что новому владыке большевики раздробили кости в области рта, чтоб не проповедовал, и вот теперь он не только плохо говорит, но даже не чувствует вкуса пищи. Некоторые утверждали, что он отроду заика... и тому подобное.

Через несколько дней после прибытия в Шанхай к владыке Иоанну по окончании архиерейской службы подошла одна дама. Получив благословение, проговорила смущённо:

— Я эмигрантка. Тут нас много, вытесненных большевиками из родной страны. Мы вас очень ждали. Вы как глоток чистой воды...

— Как вас звать? — спросил владыка.

— Анна... по отчеству Петровна... Лушниковна. По профессии я учительница пения и логопед. Вы, наверное, догадались, зачем я подошла к вам?

Владыка Иоанн смиренно подтвердил.

Анна Петровна немного осмелела.

— Когда-то я помогла архиепископу Димитрию своими советами... — Анна Петровна опять разволновалась, потому что вспомнила вдруг высказывание Игнатия Богоносца: «На епископа надо смотреть как на самого Иисуса Христа». А она вот вынуждена возвышаться над ним. И пересиливая себя, продолжила: — Я очень помогла тогда владыке Димитрию правильно дышать при произведении звуков... Вы знаете, пользующие его врачи были бессильны помочь. Если вы не против... то я постараюсь... исправить вашу неясную дикцию.

Владыка смиренно согласился.

На первом занятии выяснилось, что он принимал пищу один раз в день и понемногу. Часто просто выпивал чай. А в течение Рождественского и Великого постов съедал всего лишь одну маленькую просфору в сутки. По утверждению Анны Петровны, у него полное истощение организма. От слабости нижняя челюсть отвисла и мешала ясно произносить слова. Анна Петровна объясняла ему, как следует правильно дышать, артикулировать и прочее.

Он начал регулярно к ней ходить на упражнения, смиренно сидел и выводил — «ооо», «ааа» и так далее. С благодарностью платил, всегда оставляя «бумажку» — двадцать американских долларов.

Речь владыки исправлялась, но когда наступал длительный пост, дефект опять давал себя знать и опять он шёл к ней. Она старалась помочь, чем могла, и видя в нём человека Божия, очень полюбила его и стала

его духовной дочерью. А необыкновенный случай, происшедший в дальнейшем с китайским мальчиком и описанный в следующих главах, с ещё большей силой убедил её в праведности владыки и что жизнь его, несомненно, во Христе.

2

Занималась Анна Петровна с владыкой регулярно — два раза в неделю по полтора часа, и каждый раз он оставлял ей двадцатидолларовую ассигнацию. Анна Петровна уже после первого занятия разменяла доллары на юани и разнесла по эмигрантским семьям, живущим впроголодь. Таких в Китае было большинство. И конечно же, первой она одарила деньгами подругу скитаний по фронтам Гражданской войны в России — Меланью Гавриловну Баринову. Но как потом выяснилось, Баринов разыскал спрятанные деньги и снёс в кабак.

Когда-то Бариновы мечтали о большой семье. Но в эмиграции не могли прокормить даже единственную дочь — двенадцатилетнюю Соню. Сам Баринов ни на что не был пригоден, кроме военного дела, которого он в эмиграции лишился. И Меланья Гавриловна тоже не способна была содержать семью. Её профессия по обыкновению — офицерская жена.

Соня родилась в каморке над кухней. Такие каморки в Шанхае насмешливо называли — «цзаопицзень». В таких каморках обитали самые несостоятельные эмигранты. Соня никогда не жила в роскоши, но она знала, что и родители её, и подобные им офицерские семьи в вечных походах всегда жили не по-людски, и это утешало девочку.

Она знала, что среди эмигрантов существует ненависть, но не понимала, какая она — эта ненависть. Слышала, что следовало бы уничтожить проклятых большевиков, но чувствовала, что это всего лишь пустые слова. Невольники присяги и чести, они сами говорили, что вся их ненависть стогрела в ностальгии по Отечеству. Хозяева русских магазинов и кабаков вывешивали на стенах российские грабли, косы для кошения трав, тележные колёса, лапти, шапки-ушанки, крестьянские армяки с кушаками, полушубки и тулупы... Да мало ли чего из атрибутов давно ушедшей жизни, непонятно как попавших в Поднебесную, можно было увидеть в русских островках, разбросанных по всей, непонятной для русской души, стране. Китайцы интересовались: «Зачем всё это на стенах?» Отвечали, что русским от этого у них хорошо.

Но истинное утешение многие эмигранты находили в православных храмах. Вот тут-то было всё истинно родное. Русские женщины давно научились одеваться по-китайски — в штаны, но в храм приходили в юбках и платьях до пят. И очень нетерпимо относились к любым отступлениям от канонов Православия.

Соня Баринова не пропускала ни одной субботней и воскресной службы и всегда стояла вместе с китайским мальчиком Ябой. Познакомилась она с ним, казалось бы, в глазах взрослых, необычно, а в глазах ровесников — совершенно обычно для того нищенского для Китая времени.

У китайского мальчика Ябы отец — рикша. Только просветлеет в ночи, а он уж запряжён в коляску — бежит по кривым улочкам Шанхая. Бег его скор, но господам в коляске всегда кажется, что не совсем быстро бежит, и они подпинают его в спину. Весь день в напряжении носится с коляской. Домой возвращается измученный и порой далеко за полночь. Яба без него спать не ложится, сидит

вечерами возле тѣмного оконца, ждѣт отца. Он уже знает, что рикши часто умирают на улице. Запалятся, как лошади, и падают бездыханными на мостовой. Яба очень переживал за отца. Особенно в вечернее время ему было не по себе. Маленькое сердечко мальчика колотилось беспокойно в тревоге — вернѣтся ли отец домой? А если не вернѣтся? Он даже думать об этом боялся и только переживал без всяких дум. Клиенты никогда не расплачивались с рикшей помногу. Обычно давали всего лишь несколько медных монет, которых едва хватало на пшеницу. О рисе и говорить не приходилось. Отец часто говаривал сыну: «Дети рикш тоже становятся рикшами. Но помни, сынок, рикша не должен жениться. Смерть поджидает его на любой улице, в любой момент. А денег у него всегда так мало, что содержать семью не в состоянии». Яба нисколько не сомневался в этом. Мать его умерла от голода. Яба тоже чувствовал себя постоянно голодным, часто был в полуобморочном состоянии, но молодой организм выдерживал такую жизнь.

Когда Яба был совсем маленьким, он, в ожидании отца, не только как сейчас — вечерами, а целыми днями сидел у окна. В последнее время его потянуло к ровесникам, которые стайками появлялись на улицах и, остановившись где-нибудь, обсуждали свои детские дела. Ябе очень хотелось узнать, что за дела у них такие. Он шѣл к мальчишкам, останавливался поодаль и ждал — не позовут ли? Они как будто не замечали его. Но это было не так. Однажды мимо пробежал с коляской отец. Его поджарое тело, казалось, не чувствовало

сидящего в коляске грузного господина. Отец бежал легко, будто наслаждался бегом. Пока он не скрылся за поворотом переулка, за ним наблюдали мальчишки.

— Красиво бежал! — сказал один из них, повернувшись к Ябе.

— Рысистый коняга, — с достоинством подтвердил другой, явно главенствующий в ватаге мальчишек.

— Его отец конь, а он, значит, жеребѣнок, — угодливо засмеялся кто-то.

— Этому жеребѣнку скоро придѣтся возить нас, — проговорил важно главенствующий. — Будешь возить нас?.. Чего молчишь... Яба?

Он назвал Ябой не потому, что знал имя. Яба по-китайски — немой.

— Мой отец рикша, а не конь, — вырвалось у Ябы, но вырвалось спокойно. Он не собирался ссориться с мальчишками.

— Жеребѣнок обиделся, — усмехнулся главенствующий.

— Пусть злые люди сами на себя обижаются, — миролюбиво проговорил Яба.

— Э-э! Да он ставит себя выше нас. А ну, подь сюда, я возьмусь за твою тусклую косу и постукаю твою голову об столб, чтоб поумнел.

А так как Яба такое приглашение и не думал принимать, главенствующий сам соизволил подойти к нему и, взявшись за косу, потянул к столбу.

Из потрескавшейся фанзы, возле которой они разговаривали, вышла девочка лет двенадцати, подошла к мальчишкам, проговорила строго:

— Чего пристали к человеку?

— А тебе что?

— Вот позову сейчас папу, тогда узнаете. У него наган. — Девочка повернулась в сторону фанзы, крикнула: — Папа, иди ко мне с наганом.

Мальчишки отбежали и остановились. Девочка прогрозила им кулачком:

— Если хотя бы разочек... хотя бы маленький разочек... — И повернувшись к мальчику, уставилась на него по-китайски — щѣлочками глаз. — Не бойся их... А я тебя вроде где-то видела... Как тебя звать?

— Яба. Я тоже видел тебя... вроде. А может, и не видел. Все русские дети на одно лицо, а ты на китайскую девочку похожа.

— Я русская... Яба, говоришь? У тебя странное имя.

— Так назвали родители при омовении. Дети при омовении плачут, а я молчал. Вот и назвали — Яба.

— Русские тоже иногда дают своим детям странные имена. Меня вот, например, зовут Соня.

— А это по-русски что означает?

— Много сплю. Соня-засоня, так меня папа называет, когда он в хорошем настроении. Хочешь пойти со мной?.. Я в церковь.

Яба, чтоб не выказать радость, что может подружиться с русской девочкой, кивнул. Русские редко относятся уважительно к китайским детям, пинают их.

...Отец Ябы, как всегда, вернулся домой уже ночью, спросил:

— Ты подружился с теми мальчишками?

— Я даже разговаривать с ними не захотел.

— Значит, обидное что-то сказали про меня. Они все так внимательно смотрели... И что же они про меня?

— Тебе будет неприятно слушать, а мне неприятно говорить.

— Но ты ведь всё равно знаешь, а я не знаю. Не скажешь, буду думать и такое о себе напридумываю...

— Назвали тебя рысистым конём.

— Рысистым конём?! Это очень хорошо. Назвать рикшу рысистым конём — большая похвала. И ты, конечно же, мой жеребёночек.

— Так и сказали.

Отец обнял Ябу и долго сидел с ним в темноте.

...Прошло несколько дней. Неограниченная благодарность Ябы, что Соня огородила его от насмешек мальчишек, к которым он, впрочем, не питал никакой обиды, скоро переросла в подобострастное благоговение. Добрый ко всем и мягкий, он склонялся во прах перед бойкой, безбоязненной девочкой. Соне это нравилось. А ему не хотелось разлучаться с ней ни на минуту. Она к булочнику, и он туда же, она в храм, и он — в храм. Совсем скоро по её совету Яба окрестился. И теперь, встречаясь с обитателями клетушек шанхайских трущоб, где жил с отцом, радостно оповещал всех, что он — православный христианин. Люди кивали ему одобрительно: «Хорошо, хорошо». А вот отцу смена сыном религии не понравилась.

— Зачем ты сделал это? — в недоумении спросил он.

Яба ничего не успел ответить, потому как у них гостил брат отца — дядя До, он и ответил:

— Рассуди, Хэ. (Так звали отца Ябы.) Вам не помог в жизни ни Цайшэнь, ни Цзаован, почему бы и тебе тоже не обратиться к христианству?

— К заморскому Богу?

— А почему бы и нет?! — воскликнул дядя До. Он хоть и являлся братом отца Ябы, но совсем редко нисходил навестить своего брата-бедняка. И хотя был богат, ни разу ни в чём не помог ему. Брат До плохо разбирался в религии, но у него были свои доводы:

— Надо идти к заморскому Богу. Ведь в наше время всё лучшее идёт из-за моря. Я тоже собираюсь принять христианство.

— Брат, неужели ты готов отказаться от наших предков? — возражая, спросил Хэ. — Если и ты обратишься в чужую веру, тебе уже нельзя будет ходить на родовое кладбище и возжигать жертвенные деньги.

— Тогда я туда не пойду.

Лицо Хэ вытянулось. Брат До усмехнулся и сказал:

— Вместо меня на кладбище сходишь ты.

Так Яба оказался вроде бы не причём при этом разговоре. Отец, до изнеможения любящий сына, в дальнейшем не смел больше перечить ему, когда он говорил хорошо о иноземной религии, и ничем не напоминал о непонятном его поступке, не возражал против посещения им с русской девочкой православного храма, хотя Яба видел: ему новые интересы сына очень не нравились. Догадываясь, отец боится, как бы чужестранная церковь не отняла у него сына.

В храме Яба и Соня появлялись одними из первых и до службы обходили иконы, старательно крестясь и прикладываясь к ним. Но сегодня уже и служба началась, а их всё нет. «Уж не случилось ли чего?» — забеспокоилась

Анна Петровна. Она привыкла видеть их в храме. Ей нравилось, что русская девочка и китайский мальчик молятся вместе.

Когда заканчивалась Литургия оглашённых, появилась Соня, но без своего китайского друга. Лицо бледненькое, испуганное.

«Что случилось?» — спросила у неё тихо Анна Петровна.

«Тётя Аня, — зашептала она, — Яба... умирает!»

Это сообщение обожгло Анну Петровну. Она уже успела полюбить этого тихого, боголюбивого китайского мальчика.

«Где он?»

«Дома. Отец с ним... Уже почти не дышит».

Анна Петровна схватила Соню за руку и — к выходу. На паперти девочка принялась было рассказывать, что произошло, но Анна Петровна перебила:

— Скорей, скорей... Расскажешь дорогой...

На быстром ходу не только рассказывать, но и слушать было неудобно. Соня то и дело забегала вперёд, торопилась, задыхалась. Анна Петровна ловила её слова как бы урывками. Но картина несчастья всё яснее и ужаснее прорисовывалась её воображением.

Рисунки автора

Продолжение следует

СТАРЕЦ АНДРОНИК

*«Трудящийся в монастыре
да не гнушается и очищением отхожих мест»
(Из поучений прп.Ефрема Сирина)*

Охотское море колышется мерно,
Преступников в лагерь везет пароход.
Великое горе, великую скверну,
Людское крушение «Джурма» везет.
И тесен, и темен, и сыр, и угрюм,
И полон молчания трюм.
Но вдруг от одной поразительной весты
Народ встрепенулся и шепот возник:
— В углу на корме раздаёт свои вещи,
Одежду и обувь какой-то старик.
Какой-то старик. Неизвестный, безликий,
О, как уместился он в этих словах?
Простец добродушный и старец великий
Среди суетливых воров — схимонах.
Он не дрожит перед бедой,
Он всех подбодрит шуточкой,
Старик с опрятной бородой,
В какой-то старой курточке.
В лагере чистить уборные,
Кто выполнит дело позорное?
Выполнит весело, тщательно, честно —
Только один этот старец, известно.
Да ещё скажет: «Ведь я не один,
Или не ведаешь? А Дамаскин?»
Но вот он санитар в больнице,
С ним хорошо больным ложится,
Он как-то помогает им.
Да только ли больным?
Чу! Слышен шепот у дверей:
— Пришли в кандей нам сухарей,
Пришли туда и покурить!
Он поспевает... Так и быть!
В бараке, в полутемных сенцах
Он исповедует,
Епитрахилью — полотенцем.
Но сердце ведаёт,
Как на тебя легко ложится
Его рука.
Как может дух омолодиться
От старика.

А.А. Солодовников
Колыма 1940 год

